

Проделав это трижды, Юнь Байли повернулся к Цин Мянью и произнес:

— Пойдет. Собачьи зубы на редкость острые, и меня слушаются — недаром это лучший пес-воин, вышедший из нашего Хребта Диких Собак.

Цин Мянью сложила руки в почтительном жесте:

— Тогда благодарю вас, господин Юнь.

Она поднялась, взяла корзину с фруктами и цветами, купленную у подножия горы у разносчика, и направилась к двойному кургану семьи Цинь.

Юнь Байли шел следом, мысленно вздыхая: Генерал Юнь, докатилась и ты до жизни собачьей... Впрочем, ладно, сам же загорелся помочь человеку до конца, так чего ж теперь заниматься самоубийством и лить слезы жалости к себе.

Пока он предавался таким мыслям, человек и пес уже подошли к могиле.

Армия семьи Цинь была элитным войском, охранявшим северные рубежи, а маркиз Цинь пользовался в народе огромным уважением, поэтому в последние дни поток простолюдинов, приходивших почтить память в горы, не иссякал.

Молодая госпожа в таком облачении, как у Цин Мянью, была далеко не первой, вот только роль телохранителя вместо слуги или служанки исполняла крепкая крупная желтая собака.

Цинь Сюй при виде еще одного посетителя могилы не только не удивилась, но даже ощутила злорадное воодушевление:

Молодые барышни такого возраста, любящие слоняться повсюду, обычно отличаются острым язычком и длинным носом. И надо же было сегодня какому-тосимпатичному сотнику Цзиньвейю околачиваться возле могилы Цин Мянью! Если она узнает, что он — законнорожденный сын Се Ляня, то, вернувшись домой, непременно разнесет эту диковинку по всем углам.

Тогда дурная репутация второго молодого господина Се закрепится окончательно, сановники и аристократы презрительно отвернутся от него, а его отец Се Лянь ни за что не пожелает взять в невестки девицу из простого рода, глядишь, и свадьба его сорвется.

Желая во все услышанье раскрыть происхождение Се Сыхэна, Цинь Сюй громко произнесла:

— Сотник Се просидел на солнце столько времени, не желаете ли пройти вон под тот навес и выпить пиалы супа из маша? Если вас хватит солнечный удар, как мы потом будем держать

ответ перед министром Се?

Испугавшись, что Се Сыхэн и впрямь уйдет, Цин Мянью торопливо подошла и поклонилась ему:

— Господин, эта простолюдинка пришла возжечь благовоние младшему генералу Циню. Скажите, уместно ли будет оставить эту корзину с фруктами здесь?

Узнав в ней женщину, которая только что отдыхала с собакой на обочине горной дороги, Се Сыхэн мягко кивнул:

— Пожалуйста.

Цин Мянью тут же опустилась на колени, чтобы расставить корзину с фруктами.

Получив этот скрытый сигнал к атаке, Юнь Байли мгновенно уставился на медную бляху поясного ремня Се Сыхэна.

Юнь Байли и сам понимал: если действовать наверняка, за такой фокус можно и схлопотать, поэтому он не стал издавать агрессивных звуков, а вместо этого испустил жалобный скулеж, сделал небольшой прыжок вперед, заскреб в воздухе передними лапами и подался вперед, имитируя попытку укусить — в точности как ластящийся и играющий домашний пес.

Однако Се Сыхэн отреагировал молниеносно: его взгляд мгновенно похолодел, и в следующее же мгновение он правой рукой отпарировал выпад, угодив собаке прямо в заднюю часть туловища.

Пес издал жалобный вопль, кубарем перевернулся в воздухе и рухнул на землю кверху лапами, тяжело дыша пастью и совершенно потеряв способность двигаться.

Став свидетелем этой сцены, Цин Мянью от испуга застыла на месте.

Пять лет назад, во время побега с Се Сыхэном, Цин Мянью заметила, что верховая езда дается ему сносно, но в рукопашной и акробатике он уступает ей в гибкости. И хотя сейчас она видела, что он дослужился до сотника Цзиньвей, она списывала это на императорскую милость и пожалованные титулы, никак не ожидая, что его боевые навыки настолько возросли.

Опустив руку и разглядев состояние собаки, Се Сыхэн в тот же миг застыл с выражением ужаса и раскаяния на лице.

Смущенно вскинув руку, он принялся оправдываться перед Цин Мянью, даже слегка заикаясь:

— Я... я впервые надел такие наручи сегодня и совсем забыл, что на воловьей коже закреплены медные клепки.

Тут же присев на корточки, он осторожно коснулся дрожащей передней лапы пса и нахмурился:

— Мне показалось, что ты собралась стащить то угощение, и я сгоряча приложил слишком много силы... Плохо дело, кажется, кость на лапе сломана.

Над спиной пса поднялся смутный человеческий силуэт и горько усмехнулся — разумеется, это был Юнь Байли.

Се Сыхэн и стоявшая в нескольких шагах Цинь Сюй ничего не видели и не слышали: очевидно, видеть и слышать это могла только Цин Мянью.

Юнь Байли приблизился к Цин Мянью:

— И надо же моему псу-приятелю так вляпаться! Но чего ты застыла, живо заставляй этого Се лечить собаку — вот и повод завязать знакомство!

Сообразив, в чем дело, Цин Мянью торопливо подбежала, обхватила собачью голову, утешая ее, и с тремя частями искренней жалости и пятью частями беспомощности произвела:

— Господин, А Юнь просто излишне игрив, он вовсе не невоспитанная собака. Генерал Цин Мянью оказала мне огромную услугу, как я могла позволить А Юню безобразничать у ее могилы.

Юнь Байли хлопнул себя по лбу: Спасибо тебе, надо же было окрестить собаку моим именем.

Услышав последние слова девушки, Се Сыхэн удивился еще сильнее:

— Вы... были знакомы с младшим генералом Цинью?

Цин Мянью вздохнула:

— Если господин пожелает выслушать всю историю, я расскажу ее с самого начала, но что теперь делать с А Юнем? Умеете ли вы, господин, сращивать кости?

— Я поищу щепки, сначала наложу шину, а потом отведу вас в Управление тысячника — там есть лекарь, который умеет лечить и лошадей, и собак.

С этими словами Се Сыхэн отправился к работавшим неподалеку могильщикам за дощечками для шин.

Цинь Сюй подошла ближе, пристально разглядывая девушку чуть старше двадцати лет с красивыми, тонкими чертами лица.

— Судя поговору, матушка родом из Иньтяньфу? Как же вы сошлись с воинами нашей Армии семьи Цинь?

Цинь Мянь, заранее подготовившаяся к встрече и планировавшая сблизиться с Цинь Сюй, почтительно ответила:

— Моя семья занимается торговлей. Когда я сопровождала караван на север, мы столкнулись с отрядом северных варваров, и генерал Мянь спасла меня, а заодно указала дорогу обратно в Чжочжоу.

— О, А Мянь всегда отличалась добротой и отвагой. А как ваша фамилия, матушка, и какими делами промышляете?

— Моя фамилия Цзин, держу лавку украшений — Юньцзиньцун на восточной улице, это мое заведение.

На губах Цинь Сюй появилась легкая улыбка:

— Лавку украшений? Скажи, А Мянь заходила к тебе? Она страсть как любила все эти пестрые безделушки.

Цинь Мянь с мрачным видом покачала головой:

— Расставшись с генералом Мянь в Чжочжоу, я больше ее не видела. Вчера, очнувшись после болезни, я услышала от домашних о гибели маркиза Цинь, а сегодня, выйдя в город и взглянув на доски объявлений, узнала, что моей спасительницы больше нет.

При этих словах тревога на дне глаз Цинь Сюй немного рассеялась.

Се Сыхэн уже ловко зафиксировал шиной сломанную лапу пса, поднялся и сухо бросил Цинь Сюй:

— Я возьму вьючную повозку у мастеров и заменю ее своей лошадью, а через час верну вам.

...

Ближе к полудню, у дальней стены длинного ряда конюшен в Управлении тысячника за западной стеной императорского города, ветеринар закончил вправлять кости на задней лапе большой желтой собаки и достал маленькую четырехколесную тележку, пытаясь закрепить собачью лапу на ее платформе.

Се Сыхэн тоже присел на корточки, внимательно разглядывая происходящее и изредка задавая вопросы.

Юнь Байли, круживший неподалеку от собаки, подавлял ее дикий нрав с помощью чар, так что всю дорогу пес не скалил зубы на Се Сыхэна и не проявлял агрессии.

Получив же по приказу Се Сыхэна мясную кость, пес и вовсе забыл старые обиды за один присест: расслабленно и жизнерадостно уплетая угощение, он больше не испытывал никакой слепой ненависти к человеку, копавшемуся сзади у его благородного седалища.

Юнь Байли подлетел к уху Цин Мянью и лениво протянул:

— Эх, а твой старый знакомый и правда мастак лечить собак.

— Господин Се, вы отлично умеете обращаться с собаками, — произнесла Цин Мянью, опуская взгляд на спину в черных узорчатых одеждах.

Се Сыхэн поднялся на ноги и кивнул в сторону псарни у конюшни:

— На службе собаки часто очень сильно выручают нас, поэтому многие братья в гарнизоне умеют за ними ухаживать.

Сделав несколько шагов из тени деревьев, Цин Мянью приложила руку ко лбу, заслоняясь от слепящего солнца, пару мгновений посмотрела на псарню, а затем повернулась обратно к Се Сыхэну, с завистью в голосе произнеся:

— Оказывается, у нас в Иньтяньфу водятся такие прекрасные хэбэйские борзые.

<http://bllate.org/book/21831/2261321>